

КОНЦЕПЦИИ И СИСТЕМЫ

М. Поташник, А. Соложнин.
О стыде и совести в учительской
профессии

13 - 23

М. Казачкова, Н. Иванова.
Формирование нравственной
безопасности учащихся

24 - 29

О СТЫДЕ И СОВЕСТИ В УЧИТЕЛЬСКОЙ ПРОФЕССИИ

М. ПОТАШНИК, А. СОЛОЖНИН

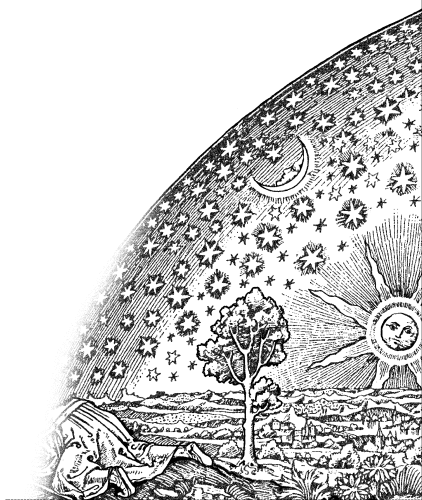
*«Если вы дадите мне учение о личности без слова «совесть»,
то это будет учение о чём угодно, только не о личности.
В лучшем случае о личности, потерявшей совесть».*

А.Н. Леонтьев, выдающийся российский психолог

Стыд и совесть нынче — неформат

Поводом для написания этой статьи послужила информация от нашего коллеги, доктора педагогических наук, профессора одного из университетов, где готовят школьных педагогов: «Прогнал через поисковую систему несколько имевшихся у меня в электронном виде свежих вузовских учебников по педагогике с целью найти в них слова «стыд» и «совесть». Увы, в них ни «стыда», ни «совести» не оказалось! Тенденция, однако!». Если вспомнить, что все словари дают одно и то же определение слова «педагогика» — наука о воспитании ребёнка, то станет понятно и прямое, и метафорическое значение заголовка статьи.

Информация от коллеги пришла накануне августовских конференций работников образования 2013 года, и мы, как это бывает ежегодно, получили приглашения на эти конференции в разные города и районы России. Выбирая, куда поехать, обсуждали с начальниками Управлений образования содержание наших выступлений, выясняли потребности территорий и среди прочих

предложили часть доклада посвятить проблеме возрождения в школе воспитательной функции, миссии, обязанности педагога, возвращению в профессиональный обиход учителей слов «совесть» и «стыд». В ответ в разных формах услышали: **«При всём уважении к вам, этих сентенций про «совесть» и «стыд» нам не надо. Это сейчас... неформат, исчезающая лексика»**. Не скроем, откровения нас шокировали.

Учебники педагогики написаны для студентов. А что является настольным рабочим материалом уже трудящихся в школах педагогов? Ну, конечно, Федеральный **государственный(!)** образовательный стандарт. Так и там в ФГОС ни для начальной, ни для основной, ни для средней школы нет слов «совесть», «стыд», «честь».

Что же такое неформат? Это то, что не востребовано большей частью общества. Ярче всего это стало заметным в музыке: неформатом стали народные, патриотические, лирические песни, вся классика, а соответственно востребованными (то есть форматом) являются все разновидности попсы, отсутствие мелодий, мощь звучания (децибелы), кич (от нем. Kitsch — халтура, безвкусица, дешёвка) — одно из явлений массовой культуры, синоним псевдоискусства, где главное — экстравагантность внешнего, крикливость, агрессивная примитивизация и опошление всего и вся.

А теперь подумаем, уважаемый читатель, что можно сказать о стране, где руководители сферы не чего-нибудь, а образования(!) считают «совесть» и «стыд» категориями неформатными.

Рассмотрим сами понятия, которые, по мнению руководителей образования, нынче неформат.

Совесть — чувство нравственной ответственности за своё поведение перед окружающими людьми, обществом (Словарь русского языка С.П. Ожегова).

Совесть есть голос Божий в сердце человеческом, в человеческой душе. Совесть есть голос Божий, отвращающий от зла. Бог насадил в душу совесть как некое правило жизни человека. Стыд — это проявление совести — контролёра поступков человека. Есть совесть, есть и стыд; а стыда нет — и совести нет (из высказываний старцев).

В самой издаваемой в мире книге — Библии, в Новом Завете, мы находим: «...имеем добрую совесть, потому что во всём желаем вести себя честно», «голос совести», «чистая совесть», «непорочная совесть», «осквернённая совесть».

Согласно Новому Завету, совесть может проснуться даже у бессовестных людей — например, у апостола Иуды, предавшего Христа. Такой вывод можно сделать из текста Евангелия: «Тогда Иуда, предавший Его, увидев, что Он осуждён, и, раскаявшись, возвратил тридцать сребреников первосвященникам и старейшинам, говоря: согрешил я, предав Кровь невинную. Они же сказали ему: что нам до того? смотри сам. И, бросив сребреники в храме, он вышел, пошёл и удавился» (Матфей, 27:3).

Наконец, обратимся к классике:

Сколь неизбежна власть твоя,
Гроза преступников, невинных утешитель.
О, совесть! Наших дел закон и обвинитель,
Свидетель и судья!

В.А. Жуковский

Ну, и потрясающий драматизмом своей пронзительной искренности и правды монолог о совести, вложенный А.С. Пушкиным в уста Бориса Годунова:

— Ах! чувствую: ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина разве совесть.
Так, здравая, она восторжествует
Над злобою, над тёмной клеветою —
Но если в ней единое пятно,
Единое, случайно завелось;
Тогда — беда! Как язвой моровой
Душа сгорит, нальётся сердце ядом,
Как молотком стучит в ушах упрёк,
И всё тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах...
И рад бежать, да некуда... ужасно!
Да, жалок тот, в ком совесть нечиста.
И всё это — неформат?!

Так что же тогда формат? — Компетенции, стандарты, БОР (бюджетно-ориентированный результат)? На каких ценностях можно вырастить порядочного человека: на неформатных или тех, что...?

Учитель — самая совестливая профессия!

Утверждение, вынесенное в название раздела, отстаивают очень многие педагоги, и для этого есть объективные основания. Рассмотрим их.

Во-первых, человек, поступающий в университет с намерением потом работать в школе, заранее знает, что учительство — низкооплачиваемая, неденежная профессия. Это не бизнес, не торговля, не адвокатская деятельность, не госслужба и т.п. Учителя всегда и у нас, и в других странах являются малооплачиваемыми работниками. И если молодой человек, изначально зная это, всё-таки идёт учиться на педагога, то такое решение может принять только личность, для которой преданность любимому делу выше материальной обеспеченности, то есть такой человек — с развитым чувством совести. Во всяком случае, таких большинство.

Во-вторых, само педагогическое образование (если оно качественное) предполагает возвращение учителя, понимающего, во имя чего он будет давать детям знания, понимающего, что обучение — это способ воспитания, главная цель которого — вырастить порядочного, культурного человека, гражданина и патриота своей страны, исповедующего высшие человеческие ценности, среди которых «совесть», «честь», «стыд» — главные.

В традициях именно российского педагогического образования духовно-нравственное воспитание детей всегда было альфой и омегой, то есть началом и концом, сущностью, основой, самым главным. А духовно-нравственное без понятий «совесть» и «стыд» невозможно. Традиции ничем быстро разрушить невозможно.

В-третьих, профессия учителя всегда публична. Он всегда находится под пристальным вниманием детских глаз, которые смотрят на него с надеждой,

интересом, ожиданием. Отношение учителя к своему труду скрыть невозможно. Его работу оценивают дети, родители, всё общество, органы образования. Тут без совести работать просто нереально, и учитель, даже когда нет сил, преодолевает себя и старается на пределе возможного, ибо глаза детей, оценка родителей — это всегда страж и мотиватор его совести.

Одна из наших респонденток, много лет отдавшая школе, детям, а сейчас работающая руководителем методцентра, написала: *«Учитель — самая совестьливая профессия не только по тем причинам, что названы. Я не могу оторвать эти причины от реальной жизни ныне работающего учителя. Одно дело — знать про будущую низкую зарплату и, тем не менее, идти в педвуз (это хорошие, но только мысли). Другое дело — жить на 15–17 тысяч в месяц, когда у тебя семья, дети, учитывая непомерный по человеческим возможностям объём работы, нагрузку и оплату труда на протяжении всей жизни, не соответствующую физическим, психическим, моральным затратам. Это вдвойне, втройне горько и обидно, когда видишь, как живут депутаты, чиновники, бизнесмены, торговцы, судьи, адвокаты, другие юристы, менеджеры, так называемый офисный планктон и ещё многие группы людей. Видеть это социальное неравенство и продолжать работать в школе, оставаться преданным делу своей жизни, детям может только совестливый человек.*

Я много лет и постоянно бываю на уроках и бессовестных учителей не встречала. Они уходят в первые годы работы. А для тех, кто остаётся, совесть — это не просто слово, это их суть, это они сами.

Нужно ещё признать, что власть, зная это, постоянно эксплуатирует исконно учительское чувство совести, требуя, требуя, требуя ещё большей отдачи, но не улучшая условий его труда, а вынуждая брать дополнительные учебные и воспитательные нагрузки (не оставлять же детей без учителя), зная, что учитель не может позволить себе бастовать, не выйти на работу, бросить детей и т.д.

Более того, наша власть не верит, что у учителей есть и честь, и совесть, и стыд. Поэтому множатся чиновные инквизиторы с проверками, циркулярами, регламентирующими всё и вся в работе учителя. Если бы у властей было столько совести, сколько её у учителей...».

Ну, разве можно со всем этим не согласиться?

Зададимся вопросом: «А действительно ли учитель — самая совестьливая профессия?». И ответим:

Да! Иисуса Христа называли Учителем. Бог не может быть с изъятиями. Наша профессия звучит так же, как и называли самое совершенное.

Да! Хотя бы потому, что представителю этой профессии в народе всегда было принято верить. Пред учителем почтительно снимали головной убор, перед ним вставали, с ним первыми здоровались. В самые трудные времена земские учителя выживали благодаря помощи родителей учеников. Кто приносил продукты, кто — одежду, но учителя никогда не бросали. Его почитали, ему верили, с него брали пример, совесть его должна была быть чистой.

Как-то один из авторов спросил у педагога, работавшего в колонии строгого режима: «Не страшно ли работать с уголовниками-убийцами?». В ответ услышал неожиданное: «Ну что Вы! Учитель здесь почитается больше, чем кто-либо, ему верят».

Факты утраты чувства стыда и совести у учителей в обществе воспринимаются очень болезненно. Вспоминается случай, как подонки глумились в Интернете над фотографией молодой учительницы. Абсолютное большинство взорвалось от возмущения, и акция была моментально прекращена, порочащий учителя коллаж и комментарии не получили массовой поддержки. Причина понятна. Учителя хотят видеть совестливым, чистым.

Для многих после родителей это самый близкий человек. Если про кого-то говорят, что «он — настоящий Учитель», то это означает набор очень ценных представлений: он близок людям, строг, справедлив, мудр, нравственен, он — с совестью и честью.

Мы задавались вопросом: ну, а разве полицейские, судебские, представители финансовых и надзорных органов, продавцы не должны быть самыми совестливыми? Хотелось бы. Конечно, есть и среди них совестливые. Но что-то не принимает эту формулу общественное мнение. Посмотрите проблемные фильмы, вспомните шутки и анекдоты, просто почитайте прессу, оцените действительность, и всё станет понятно.

Есть ли бессовестные учителя?

Если мы скажем, что такие есть, да ещё и много, то немедленно будем раскритикованы и нас обвинят в отсутствии собственной совести.

Если скажем, что учитель по определению совестлив, получим массу примеров, которыми нас постараются убедить в обратном.

«Ну что вы привязались к учителям? И врачу, и судье, и прокурору, и полицейскому, и следователю, и бухгалтеру — всем людям, кроме соблюдения законов, необходимы и совесть, и стыд.

В любой профессии есть люди и совестливые, и бессовестные. Последние среди учителей — всё-таки исключение, а не массовое явление», — написала нам одна из директоров школ, рецензентов рукописи.

Безупречность последнего утверждения сомнительна. Обратимся к фактам.

Предупредим читателя: оперировать будем не отдельными случаями проявления бессовестности, а только массовыми не просто фактами, а явлениями.

По данным Министерства образования 2006, 2007, 2008... годов, 60–62% золотых медалистов не подтвердили своих отличных знаний при поступлении в вузы, а те из них, что поступили, то не по медальной льготе, а на общих основаниях.

Когда наличие медали стало давать особые преференции при поступлении в вуз, количество медалистов по стране магически увеличилось в разы, и Министерство образования вынуждено было вообще отменить медальную льготу, что привело к обесцениванию этой награды, и число выпускников-медалистов тут же уменьшилось в разы.

Когда преференции стали иметь победители олимпиад, их число в стране ещё более чудесным образом тоже стало расти.

Ответим себе на вопрос: «Могло такое произойти без участия учителей во всей стране?». И о чём это говорит про учительскую совесть?

Пресловутый, ставший притчей во языцех ЕГЭ. За преступления, связанные с ЕГЭ (коррупция, взятки, мошенничество и т.п.), отбывают наказание люди, ра-

ботавшие министрами и заместителями региональных министров образования, работники региональных центров Рособнадзора, муниципальных органов образования. Но массовое использование школьниками ворованных или купленных контрольно-измерительных материалов, шпаргалок, мобильных телефонов, сокрытие списывания, массовый переход выпускников городских школ в конце года в далеко расположенные сельские районы (где легче сдавать, поскольку там надзора меньше), вдруг охватившая педагогов слепота к потоку медицинских справок, выданных одним врачом и дающих возможность сдать экзамен досрочно в «благоприятной» для получения 100 баллов обстановке, и т.д. — всё, что привело к аннулированию тысяч результатов ЕГЭ (это только то, что обнаружено и предано гласности), и т.д. (несть числа) — всё это возможно осуществить без участия учителей?

Заметил ли читатель, что, несмотря на выявленные массовые факты, виновники событий (учителя) не устанавливаются? Вместо этого выбирается жертва для показательной порки в виде снятия с работы и для умиротворения общественного мнения — кто-то из чиновников, кого не жаль. Это по совести?

Большинство избирательных участков в стране расположено в школах. В состав участковых избирательных комиссий обязательно входят учителя как люди, которым изначально доверяет общество, представители хозяев здания, где проводятся выборы.

Факты вброса сотен бюллетеней, так называемые карусели, на разных участках зафиксированы и официально признаны. Об этом же говорит и сравнение результатов выборов на разных участках в одних и тех же городах и районах.

Мы не утверждаем, что именно учителя своими руками осуществляли противоправные действия. Но можно себе представить, что учителя — члены участковых избирательных комиссий — вдруг ослепли, ничего этого не видели и потом с чистой совестью подписывали фальшивые протоколы голосования?

Как говорят: «No comment».

Добавим в этот раздел и «мелкие» и, как говорят, отдельные факты.

В первый класс к учителю попадает «трудный» ученик (крайне ограничены учебные и способности, и возможности). Совершенно естественно, что сначала у педагога складываются хорошие отношения со всеми детьми, каждый ребёнок чувствует, что его учительница любит. В этой ситуации дитя доверчив и считает, что именно его любит его первая учительница и всегда будет с ним рядом, будет его надёжным, старшим другом, почти как мама. Наш герой ещё не знает, что он «трудный». Он искренне любит педагога и рассчитывает на взаимность. Он живёт в своём мире и пока не получил первых «двоек», по утрам весело идёт в школу, ожидая очередного светлого дня. Каким же бывает разочарование этого ребёнка и его родителей, когда его начинают выживать из класса. Методы всем известны. Каковы же аргументы учителя? «Он мешает заниматься другим детям, портит все положительные учебные достижения класса, я устала от него» и т.д. Ребёнок вынужден перейти в другой класс, потом в другую школу, до тех пор, пока не попадёт к терпеливому и сочувственному учителю. Великое счастье, если со второго или хоть с третьего раза попадётся такой педагог. Горе ребёнку, если учиться приходится только под нажимом и у тех, кто утратил чувство сострадания. Можно ли их назвать совестливыми?

«Двойка» в журнале, а затем и в дневнике. Сколько их ставится не за знания, а из мести, за подсказку, за невыполненное домашнее задание или забытую дома тетрадь с выполненным заданием, за плохое поведение на уроке и т.д. Многие учителя считают это оправданным, а потому допустимым. И сколько таких фактов ежедневно в школьной жизни ребёнка за одиннадцать лет? Только настоящий учитель выставляет неудовлетворительную отметку лишь тогда, когда его совесть говорит «Я сделал всё, чтобы этого не случилось».

Ещё «отдельный» факт (цитируем по письму руководителя школы): «Полное отсутствие совести и стыда позволяет некоторым учителям за деньги заниматься дополнительно со своим же учеником. Когда это становится известным, мы (деликатно скажем) расстаёмся с такими учителями без сожаления».

Так что пусть читатель сам определяет, есть ли бессовестные учителя и сколько их.

«За те деньги, что нам платят...»

В любом педагогическом сообществе (коллективе школы, районном метод-объединении, учебной группе, на курсах в ИПК и т.д.) обязательно найдётся человек, который на каждый даже намек на претензию к школе, на то, что учителя с чем-то не справляются, моментально, очень гневно, горячо и с обидой крикнет: «За те деньги, что нам платят, мы более, чем кто-либо, совестливы. Пусть нам спасибо скажут, что за жалкую зарплату, за все унижения мы ещё ходим на работу и как-то учим детей. Потому как, если не выдержим и уйдём, работать будет вообще некому. Мы не дворники, и нас гастарбайтерами из бедных стран СНГ не заменишь».

Нужно признать, что кроме Москвы, Питера, городов нефтяных и газодобывающих регионов, учительские зарплаты в стране несопоставимы с затратами здоровья, физических, нервных, душевных сил. И даже повышение зарплаты до уровня средней по региону мало что меняет, поскольку эта средняя в большинстве регионов низка. Здесь мы полностью на стороне педагогов, если учесть, какими лукавыми бессовестными способами это дотягивание до средней достигается.

Но нужно заметить, что пока гражданская позиция педагогов страны будет такой, какая она сейчас (очень, очень пассивная), ситуация не изменится. Под лежачий камень вода не течёт. Мы вовсе не призываем учителей в знак протеста бастовать или устраивать беспорядки. Педагогов всех образовательных учреждений в стране не меньше двух миллионов и, если бы каждый написал письмо руководителям региональной и федеральной власти о своём положении и бедах, то от такого числа обращений никакая власть отмахнуться бы не смогла. Но педагоги молчат даже на своих конференциях либо рассказывают на них друг другу и властям не о проблемах, а только о победах (сколько стобалльников, сколько победили или участвовали в конкурсах, олимпиадах, марафонах, смотрах и т.п., сколько дали открытых уроков и т.п.).

Есть ответ всем тем, кто говорит: «За те деньги, которые нам платят...», и тем, кто молчит, но с ними солидарен. Ответ, который побудит каждого вспомнить об учительской и человеческой совести: **«А причём тут дети?»**.

Ведь медицинским работникам ещё меньше платят, но врач не может позволить себе оперировать воплосили или лечить больного ребёнка кое-как. На кону — жизнь. Учитель отвечает за развитость души и ума ребёнка, что не менее важно, поскольку определяет судьбу ученика, его будущую успешную или неудавшуюся, а возможно, и загубленную жизнь.

Ответ оппонентам

Среди прочих мы получили и такое письмо от грамотного вузовского профессора:

«Меня не удивляют никакие учебники вообще. И педагогики, в частности. Учебник — это всего лишь «склад» информации. И какой бы эта информация ни была, она не работает сама по себе. Как и любая великая книга, «Война и мир», например (стоит себе на полке и стоит). Она лишь средство в процессе построения человеческих отношений. Настоящий учитель без учебника найдёт возможность передать детям/студентам что-то ценное (в том числе, про совесть и стыд). Но в том-то и дело, что настоящих учителей днём с огнём не сыщешь. В этом главная проблема. По-настоящему ПЕДАГОГИКА (как мастерство, как действие) начинается с учителя и тех живых отношений и связей, которые он выстраивает. Сколько ни говори (ни пиши) про совесть и стыд, люди не будут совестливей и скромнее, если они находятся на том уровне развития, где эти самые качества не предусматриваются, не осознаются и не востребованы. Что проку, что в СССР в каждом вузе и школе требовали повесить «Моральный кодекс строителя коммунизма»? Без учителя всё это было мёртво. Мне кажется, в педагогике сейчас должны меняться акценты: не учебник и технология первичны, а человек (учитель и ученик) и отношения между людьми».

Конечно же, учитель/преподаватель, его отношения с учеником/студентом первичны. Если даже признать, что учебник — это склад, то разве плохо, если этот склад (тезаурус) без ущербов?

Если согласиться, что настоящих учителей днём с огнём не сыскать, то в этом случае без хорошего, полного учебника просто не обойтись. Учтём, что значительное число студентов не выдерживает плохие лекции и постигает педагогику путём самообразования, читая первоисточники и учебную литературу. Наконец, всё востребованнее становятся учебники на электронных носителях, дистантное обучение. Хуже не будет, если студент будет постигать такие ценности педагогики, как совесть и стыд, и в результате общения с хорошим преподавателем, и читая хороший учебник.

Ещё возражение: *«Допускаю, что в учебниках педагогики не употреблены термины «совесть», «честь», «стыд», «честность». Но это и необязательно, ибо то же самое сказано другими словами».*

Если слово «совесть» и т.п. стыдливо опускаются, это значит, что остальные слова не о том.

Ещё письмо.

«По поводу того, что разговоры с учителями про совесть, честь, стыд — это сейчас «неформат». Начальники управлений, что так ответили, не так уж далеки от истины».

Во-первых, в условиях культа денег, наживы, который является определяющим в жизни нашего общества, многие начинают воспринимать как ценности только то, что приносит материальную выгоду. Это проявляется в любой сфере. Совесть и стыд материальных дивидендов не приносят, скорее наоборот. Они явно не в перечне свойств, которыми сегодня восхищаются люди. Материальный достаток, красота тела, физическая сила, сексапильность, получение удовольствий, предприимчивость и т.д. — это да, это здорово, а совесть, как и стыд, честность, к чему?» — таким отношением пропитана сама атмосфера, в которой живут люди, для них такое мнение становится естественным. Всё это насаждается и культивируется СМИ, телевидением (в том числе и государственными).

Во-вторых, среди требований, что государство предъявляет учителю, эти понятия давным-давно исчезли (показателен и Ваш пример с вузовскими учебниками). Сегодня приветствуется безропотная исполнительность, умение ладить с начальством, даже определённый конформизм и т.п. Более того, слово «скромность» (близко к понятиям «совесть» и «стыд») начисто утратило свой положительный смысл. Этому способствует процедура государственной аттестации. Результат, за который не только хвалят, но ещё и приплачивают, оправдывает в глазах многих педагогов приписки, бессовестные способы его достижения (за учеников выполняют работы в заочных конкурсах, по «своим каналам» узнают заранее вопросы олимпиад, позволяют списывать на ЕГЭ и др.) — то есть всё то, что является антиподом стыда и совести. Немножко схитрить, обмануть стало нормой в учительской среде, как в обществе в целом.

В-третьих, низкая оплата труда порою приводит к внутриличностному конфликту педагога. Например, классный руководитель получает всего одну тысячу рублей, считает, что это мало (и это действительно мало), воспринимает данный факт как унижительный для себя. В качестве протеста против очевидной несправедливости он работает спустя рукава («как платят, так и тружусь»). Естественно, у совестливых возникает личная драма, конфликт с самим собой. С одной стороны, ему не хочется гореть на работе за гроши, с другой стороны, неловко перед детьми и их родителями, коллегами за формальное отношение к делу. Но со временем привыкает. Вы скажете: «Когда такая проблема возникает, надо уходить». Но куда? И далеко не каждый может решиться на этот очень трудный шаг.

Совесть, стыд, честное слово сегодня не согласуются с фальшью происходящего в стране и в школе. Поэтому нечего предъявлять претензии учителям, намекать на их бессовестность. Школа находится не на луне, она создаётся государством, является частью общества, и она не может быть лучше государства и общества, которые организуют её работу, управляют её деятельностью и содержат её.

Пусть власть изменит атмосферу в стране, создаст педагогам нормальные условия жизни (а не выживания), тогда и школа, и учителя станут другими.

Наш ответ на последнюю реплику. И кого же уважаемый оппонент называет «властью»? Не являются ли учителя и директора школ этой самой властью над учениками? И что означает «атмосфера в стране», которую предлагается изменить? Напомним известное евангельское изречение: «Спасись сам и спасёшь миллионы». А посему добрый совет тем, кто придерживается точки зрения «пусть

вначале власть изменится»: будьте совестливы сами, по-холоуйски не заглядывайте в рот начальству, не поступайте против совести, не обманывайте окружающих лживыми отчётами и приписками, не клянитесь в верности тому, кому не верны, наберитесь смелости и введите в «формат» понятие стыда и совести. Список рекомендаций можете продолжить сами. Тогда и атмосфера в стране, и власть станут другими.

В заключение мы вернёмся ещё раз к ответу на приведённые аргументы.

Одна из рецензентов рукописи написала нам, что не хотела бы читать в журнале никакой материал о совести: *«Это интимный вопрос каждого человека. Интимное должно быть интимным, а не обсуждаться так называемой общественностью. Мне неприятны такие тексты».*

Ну, так можно дойти до неприятия относительно гигиенического воспитания. Не стесняемся же мы говорить воспитанникам о необходимости мыть шею с мочалкой. Откуда же берётся такая щепетильная стеснительность при обсуждении вопросов гигиены души?

Мудрый А. Пушкин писал: «Когтистый зверь, скребущий сердце, совесть». Обратим внимание на смысл и интонационную, стиливую окраску каждого слова: «зверь», «когтистый», «скребущий». Конечно, когда задумываешься о своих поступках, действиях или бездействии, словах и т.д., оцениваешь их с позиций совести, то это не только неприятно, но и болезненно, чувствительно, поскольку всегда связано с преодолением себялюбия. Именно мучительное чувство совести приводит нас к катарсису (от греч. — очищение, преодоление, возвышение), то есть такому психическому состоянию, когда человек (в том числе и ребёнок) преодолевает себя и признаётся в содеянном, поступает по совести, совершает трудное для него, но благородное действие и т.п. Кстати, именно катарсис, вызванный чувством стыда, обострённым чувством совести, является едва ли не самым сильным воспитательным эффектом и результатом, который чаще всего невозможно обнаружить, поскольку он возникает внутри человека. Вот такое это особое явление в педагогике, когда результат воспитания есть, но учитель не может его зафиксировать (оценить и, тем более, измерить) и может даже не догадываться о нём.

«Совесть», «стыд», «катарсис» — явления, действительно глубоко личные, интимные, но мы же не называем имён конкретных людей, которых упрекаем. Поэтому и интимности их переживаний не нарушаем. Мы пишем о ценностях, о явлении, и о них пишут много и даже в великих книгах, и даже в самой издаваемой — Библии. Когда Вы читаете там о совести и стыде, Вы же не считаете, что Ваша интимная жизнь кем-то нарушается.

Ещё один оппонент пишет: *«Ну, что Вы прицепились к словам «совесть» и «стыд»? Никакое качество человека, взятое само по себе, вне других (тоже очень важных качеств) никакой особой роли не играет. Более того, взятое изолированно от других, оно может стать и негативным. Посмотрите сами: слово «совесть» лежит в основе такого качества учителя, как «добросовестность», которым учителя постоянно пользуются, требуя его от своих учеников и характеризуя своё отношение к педагогическому труду. Добросовестный учитель — тот, который честно, тщательно, усердно, старательно выполняет свои обязанности, что дорогого стоит. Но интеллект обязывает человека сказать себе, казалось бы, парадоксальное: добросовестность — несомненно ценность, но далеко не абсолютная, ибо она может быть и... ущербной. Покажем это.*

Когда результаты работы учителя не очень хороши, он пытается защищаться, оправдывая себя, прежде всего, добросовестностью: «Я всю жизнь первой приходила в школу и последней уходила из неё. Я всю себя отдавала детям, я была д о б р о с о в е с т н а — мне себя упрекнуть не в чём». Но ведь добросовестность не исключает совершенных ошибок, использования ущербных технологий обучения и воспитания. И эти ошибки не всегда удаётся исправить».

Мы на это отвечаем: «Совестливый учитель это понимает».

Каково быть совестливым? (вместо заключения)

«Жить не по лжи» (А.И. Солженицын), сострадать, не стяжать, отдавать, откликаться. Всё это старые, казалось бы, заезженные понятия. Но каково оставаться на этих принципах, если всё вокруг динамично меняется и только в худшую сторону.

Ввели новую систему оплаты труда. Надо каждый месяц доказывать свои достижения, чтобы получить свою часть компенсационных выплат. А как их доказать, если слабые ученики учатся на пределе своих возможностей?

Ввели показатели эффективности руководителей и педагогов, надо сравнить 10% лучших с 10% худших и представить соотношение в лучшем виде. А как его представить, если трое в классе никак не могут освоить твой предмет. Можно ли им сострадать? Сострадаешь — будешь худшим.

Ввели тотальную отчётность, надо показать только «правильные цифры». Но что делать, если их нет? Как тут быть? По лжи или не по лжи?

Любимые детьми и родителями учителя всегда отличаются жизнью не по лжи. И им, конечно же, очень трудно со своим руководством, с властями. Ну не могут они обмануть, не могут пойти против детей и против совести. Не любит их руководство и достаётся им, и клички у них примерно одинаковы. «Странные эти люди — не понимают, что плетью обуха не перешибёшь», — говорят о них.

Совестливый учитель всегда будет напоминать героя романа Ф. Достоевского «Идиот». Вспомните или загляните в конец романа: «И если бы сам Шнейдер явился теперь из Швейцарии взглянуть на своего бывшего ученика и пациента, то и он, припомнив то состояние, в котором бывал иногда князь в первый год лечения своего в Швейцарии, махнул бы теперь рукой и сказал бы, как тогда: «Идиот!»».

Обращение к проблемам нравственности, совести учителя будет подтачивать сложившуюся в стране систему фальши, всеобщего вранья. И нужно признать, что **школа до сих пор держится учителями-подвижниками, которые есть, и их не так мало. Ради них нужно говорить о совести, чтобы поддержать, потому как никакой другой поддержки, кроме собственной совести и тех, кто это может оценить, у них не осталось.**

Что же касается чиновников, что просили нас не возбуждать словом «совесть» педагогическое сообщество, то адресуем их к эпиграфу этой статьи. Если психологи понимают значение совести для формирования личности, то педагогам и управленцам в системе образования не понимать этого просто нельзя. **Совестно!**

